

ВЛАСТЬ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

А.Г. Горшенков, Г.Г. Горшенков, Г.Н. Горшенков

Основными элементами объекта криминологического изучения являются: преступность и ее причины, а также возможности (меры) противодействия преступности.

Преступность мы рассматриваем как крайне негативное социально-правовое явление, в котором выражены наиболее острые кризисные явления, процессы — как детерминирующие преступные деяния, так и определяющие их общественно опасные последствия. Эти явления и процессы настолько разнообразны, насколько разнообразны сферы общественной жизни, в которых они распространены.

Поэтому, обращаясь к исследованию причинно-следственных связей преступности, криминологи выделяют прежде всего такие из них, которые поддаются относительному обособлению. В результате систематизируются соответствующие научные знания, которые именуются частными криминологическими теориями: экономическая, политическая, семейная криминология и др. (в настоящее время таких концепций можно насчитать около пятидесяти).

Особое место в этих концепциях занимает многоаспектная криминология власти. Например, один из таких аспектов, исследуемых прежде всего проф. Н.Ф. Кузнецовой, именуется как элитно-властная преступность¹.

Власть как явление социальное рассматривается в нескольких значениях: возможность распоряжаться кем-либо или чем-либо, оказывать определяющее воздействие на других, подчинять их. При этом, в зависимости от характера общественных отношений, целей и средств подчинения, можно говорить об экономической, духовно-информационной, политической власти. Политическая власть является доминирующей, поскольку с ней связано государственное управление, функционирование государственных органов. Под властью понимается и система государственных органов как ее носителей.

Социальная власть (учитывая и другие, но менее значимые в контексте настоящего сообщения разновидности) как возможность осуществлять свою волю в различных сферах общественной жизни не просто привлекает внимание различных социальных групп, классов, партий, личностей, но побуждает их к борьбе за овладение властью. Цели этой борьбы и используемые средства в определенной мере носят и криминальный характер.

Например, сегодня в России государство оказалось в значительной мере устраненным от экономической власти ввиду ряда причин: преступной приватизации, криминализации экономики (55% капитала и 80% голосующих акций прибрал к рукам отечественный и зарубежный криминалитет), неконтролируемого вывоза сырья и перекачки ценностей, капиталов (до 70 млрд долларов в год) за рубеж и др.².

¹ Кузнецова Н.Ф. Об элитно-властной преступности // Преступность: стратегия борьбы / Под ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 164–168.

² Бабаев В.К. Экономическая функция как важнейшее средство обеспечения экономической безопасности российского государства // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2001. № 1. С. 10.

Больше того, по наблюдениям и прогнозам специалистов, глобальная криминальная экономика станет фундаментальной чертой XXI в.¹

Посредством криминализации экономической власти российское преступное сообщество (в которое втянуты десятки миллионов человек) успешно проникает во все сферы общественной жизни, в том числе и в информационную. Сегодня так называемая «четвертая власть» также попала в зависимость от криминализованной экономической власти.

В значительной мере подвержена криминализации и государственная власть. Больше того, некоторые исследователи преступности и ее причин, обращаясь к данному обстоятельству, прямо указывают на преступность государственной власти. Так, «Новая газета» от 27 марта — 2 апреля 2001 года писала: «Криминализация верховной власти началась с легализации всех видов финансовых махинаций и завершилась приватизацией компаний... властное сообщество автоматически изменило свою природу на чисто криминальную»².

Ю.А. Бабилов пишет, что сам способ существования имущего слоя, который обладает государственной властью, преступен, «ибо в его основу заложен преступный принцип жизни за счет чужого труда»³. И потому, делает вывод автор, следует вести речь о двух формах преступности, одна из которых именуется государственностью, а другая, оппозиционная, — криминалом. У этих форм преступности разные лица, но единое начало — та и другая паразитирует на чужом труде. И автор находит закономерным то, что «при усилении государственности снижается криминальная составляющая преступности и наоборот».

А.И. Шестаков, рассматривая новизну статуса криминологии будущего, содержание ее объекта, находит, что эта наука в какой-то части станет наукой не о тех преступлениях, которые названы выше, «а о подлинных преступлениях, значительная доля которых совершается властью»⁴.

Таким образом, власть как объект криминологического исследования может быть представлена, во-первых, как признаковый компонент преступности, то есть определяющий специфику общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости. Элемент государственности имеет место и в объективной (например, преступления против государственной власти), и в субъективной (речь может идти о всей совокупности деяний, которые совершены представителями органов власти) стороне деяний. Власть (как правомочия, как система государственных органов, их представителей) активно используется в качестве средства достижения преступных целей.

Так, выделяя «элитно-властную» преступность в самостоятельный структурный показатель преступности, Н.Ф. Кузнецова указывает на два критерия оценки: особый субъект и характер совершаемых преступлений. В число такого рода пре-

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. / Под ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С. 508.

² Романенко М.В. Криминализация социальных отношений в капитализирующей России // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 63.

³ Бабилов Ю.А. Преступность — неизбежное следствие насилия государства над человеком // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 90.

⁴ Криминология — XX век / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб., 2000. С. 12.

ступлений ученый относит: международные, против конституционного строя и безопасности государства, против правосудия и ряд других преступлений, совершенных высшими должностными лицами¹.

Сегодня уж теряют свою былую сенсационность сообщения СМИ о привлечении к уголовной ответственности (гораздо реже — о наказании) лиц, занимавших высокие должности, за их злоупотребления, превышение должностных полномочий, получение взятки, мошенничество и т. д. В числе героев публикаций вице-губернаторы, губернаторы, министры, военные и милицейские генералы, депутаты всех уровней и другие уголовники во власти.

Разработка настоящей концепции элитно-властной преступности обусловлена сущностной диалектической связью преступности и государственной власти². Диалектическое взаимодействие их выражается, с одной стороны, в том, что оба эти явления находятся в прямом противодействии как обоюдочуждые друг другу, а с другой — между ними возникают отношения взаимности. Одно явление проникает в другое: политизируется преступность, криминализируется власть.

Как справедливо заметил С.Л. Сибиряков, исходя из философской точки зрения об аморальности (по крайней мере) власти, люди, получающие возможность распоряжаться судьбами других людей, рано или поздно попадают в такое положение, «при котором не нарушать закон, не говоря уже о морали, невозможно»³.

Очевидно, исходя из этого важного обстоятельства, можно предположить особую потребность власти к иммунитету. Причем иммунитет легитимный более чем существенно дополняется покрывательским иммунитетом. Логика рассуждений приводит к тому, что криминализация власти и ее результат носят чрезвычайно скрытный характер, то есть властная (элитно-властная в первую очередь) преступность является *суперлатентной*.

Во-вторых (и потому), феномен власти выступает и как чрезвычайно активный фактор, обуславливающий преступность. Криминогенность власти проявляется в различных действиях и бездействиях лиц, ею наделенных, которые в той или иной мере способствуют преступности. Главной же причиной такого радения преступности, очевидно, следует считать, мягко говоря, нравственно-правовую ненадежность многих (именно многих, а не части) представителей всех ветвей власти и особенно чиновничества, которое в условиях нищенской заработной платы не только демонстрирует удивительную живучесть, но и поразительно быстро «размножается» (в среднем каждые 18 минут в России становится одним чиновником больше; только за прошлый год число их увеличилось на 30 тысяч)⁴.

Но нравственно-правовая ненадежность — ахиллесова пята, через которую стрелы коррупции, пущенные искусными стрелками преступных сообществ, поражают не только чиновничество. Ни для кого не является секретом так называемое лоббирование, например, в среде депутатов Государственной думы. О нем говорят и пишут как о вполне легитимном явлении, хотя эта закулисная форма воздействия на законодателей (вспомним такой термин из лексики политиков, как

¹ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 167–168.

² Власов В.С. О сущностной связи преступности и государственной власти // Преступность и власть. Материалы конференции. М., 2000. С. 12.

³ Сибиряков С.Л. Преступность и власть: проблемы и возможные решения // Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 61.

⁴ Сазонов Ю. Чиновнику любая власть всласть // Парламентская газета. 2001. 13 сентября.

«продавливание» законопроекта) является самой настоящей коррупцией, основанной на подкупе и продажности, но только депутата.

И у нас нет оснований не верить газете «АиФ-НН», не так давно сообщившей о такого рода фактах, которые имеют место в среде нижегородских городских депутатов. Например, при лоббировании предложения за изменение устава города в части выборов (не населением, а депутатами) мэра города «некоторые особо веские и влиятельные «голоса» оценивались в сто тысяч долларов»¹.

Месяц назад мы получили данные пилотного криминологического исследования, которое было проведено в г. Сыктывкаре под руководством одного из авторов настоящего сообщения. Исследование проводилось путем анкетирования и осуществлялось в два этапа (в настоящее время данное исследование предполагается провести в Нижнем Новгороде и Дзержинске). Были опрошены 100 оперативных работников правоохранительных органов, следователей и столько же предпринимателей. В частности, анкетирование позволило получить данные (мнение опрошенных) о проникновении преступности в политическую сферу:

Формы проникновения преступности в политическую сферу (данные ранжированы)			
Опрос сотрудников		Опрос предпринимателей	
1	Выдвижение своего кандидата в Госдуму — 44%	1	Выдвижение своего кандидата в Госдуму — 29%
2	Личное проникновение в органы власти — 39%	2	Личное проникновение в органы власти — 27%
3	Дискредитация политического деятеля — 29%	3	Создание общественных организаций, фондов в целях оказания через них собственного политического влияния — 17%
4	Финансовая поддержка иного кандидата в целях использования его в лоббировании своих интересов — 27%	4	Дискредитация политического деятеля — 16%

Всего было названо 14 форм.

Удалось также установить характер и степень информированности реципиентов о проникновении преступности в региональные органы (данные также приводятся по ранее использованной схеме — «сотрудники / предприниматели».

Опрошенные указали в ответах на такого рода известные им факты проникновения преступности (данные приведены в процентах):

в органы исполнительной власти — 36 / 8

в органы законодательной власти — 34 / 7

в органы судебной власти — 24 / 11

в органы местного самоуправления — 34 / 20

в органы внутренних дел — 44 / 27

в органы прокуратуры — 22 / 17

в кредитно-финансовые органы — 27 / 28

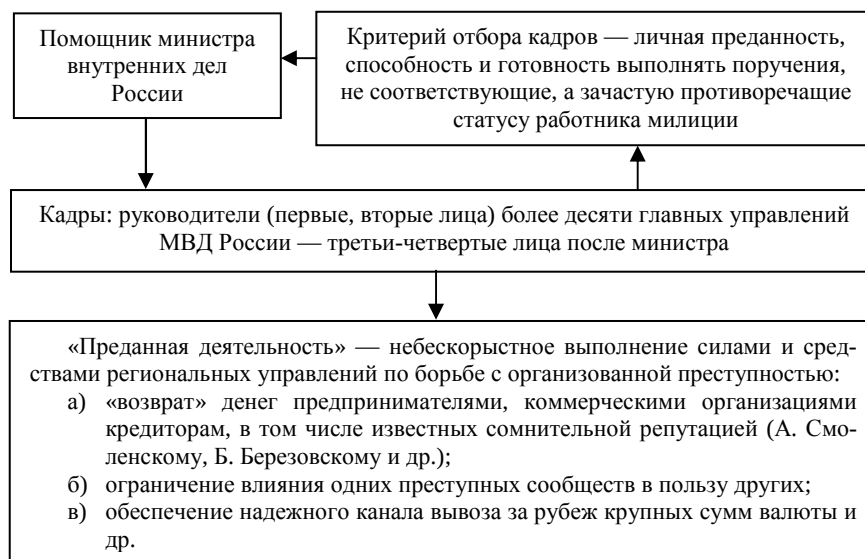
Судя по этим данным, органы внутренних дел, призванные в первую очередь вести борьбу с преступностью, сами оказываются наиболее уязвимыми для ее

¹ Дорог голос депутата // АиФ-НН. 2001. № 43.

воздействия. А точнее сказать, восприимчивыми к криминалу. На наш взгляд, именно из-за предательства многих сотрудников органов внутренних дел государственная власть все больше лишается уважения людей.

В развитие этой мысли можно привести целый ряд фактов, в том числе обнародованных в 2001 году в «Новой газете» и «Московском комсомольце»¹. В связи с этим 17 октября 2001 года Государственная дума приняла постановление № 197-III ГД «О проверке фактов, изложенных в публикациях «Новой газеты» и газеты «Московский комсомолец» и направила его Генеральному прокурору Российской Федерации В. В. Устинову.

Ситуацию, на которую указывают журналисты и депутаты, можно представить в следующей схеме:



В публикациях и постановлении Государственной думы фигурируют, в частности, руководители главных управлений МВД России, в их числе: начальник Главного управления кадров и кадровой политики МВД РФ, 1-й зам. начальника Главного управления по борьбе с экономической преступностью МВД РФ, зам. начальника Следственного комитета МВД России, первый заместитель начальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД РФ, начальник Центрального регионального управления по борьбе с организованной преступностью МВД РФ, первый заместитель начальника Главного управления уголовного розыска, начальник Главного управления внутренних дел г. Москвы, начальник Московского управления внутренних дел на воздушном транспорте.

Кого же призвана подчинить государственная власть посредством правоохранительных органов?

Приведем лишь основные данные о гражданах, представляющих наибольшую общественную опасность, которые названы профессором М.В. Романенко из разных официальных источников: 3 000 воров в законе; 1 000 000 авторитетов пре-

¹ Хинштейн А. Наследство черного регента // Московский комсомолец – 2001. 18–20 сентября; Щекочихин Ю. Орловы учатся летать // Новая газета. 2001. 28–30 мая и др.

ступного мира; 6 000 000 устойчивых членов организованных форм преступной деятельности; 30 000 000 человек, втянутых в сферу преступной деятельности; 14 000 000 обитателей «социального дна» (бомжи, нищие, беспризорные дети, уличные и привокзальные проститутки); 6 000 000 больных СПИДом; 3 000 000 наркоманов¹... Нетрудно подсчитать, что в этих цифрах выражена более чем значительная часть населения России — почти 40%!

Насколько эффективны меры уголовно-правового воздействия на преступность в этих условиях? От чего зависит эффективность государственно-правовой политики в сфере борьбы с преступностью? Что представляет собой эта политика сегодня и вообще имеет ли она место в деятельности государства? Насколько продуманы и обоснованы акты гуманизма, проявляемые законодательной и исполнительной властью в форме амнистии и помилования? Эти и многие другие вопросы, связанные с властью, указывают криминологам на соответствующие проблемы и перспективные направления конкретных криминологических исследований.

Одной из них можно назвать проблему помилования, о которой высказываются противоположные мнения в центральных СМИ.

На фоне того, что было сказано нами ранее, покажем в следующей таблице некоторые сравнительные данные, которые приведены в «Парламентской газете» от 23 октября 2001 года²:

Помиловано в течение одного года		
Россия — за 8 месяцев 2000 г.	США — в год	ФРГ — в год
12 843	57 (453 за 8 лет)	22 (в среднем)

В числе помилованных Президентом по представлению комиссии: 2 689 лиц, в свое время уже судимых за убийство (кстати, Россия по убийствам занимает второе место после ЮАР³), 2 188 — за причинение тяжкого вреда здоровью, 1 834 — за разбой, 709 — за грабеж, 18 — за похищение людей, 20 — за взятки, 14 — за бандитизм.

Обсуждение настоящей проблемы в СМИ — явление положительное. Но это публицистический подход к поискам ее решения. Правовая проблема требует правовых (криминологических в том числе) исследований. В частности, важно, чтобы помилование было прозрачным для общества актом государственной воли и попадало под общественно-политический контроль с использованием тех же СМИ.

На этом же фоне научный интерес представляет, в частности, и еще одна проблема — суда присяжных. Насколько такого рода «оправдательная» судебная власть способна реализовать себя в обеспечении законности и правопорядка на правовом поле России, которое изрядно покрыто криминальной и полукриминальной порослью? Предположения (их нельзя назвать прогнозами) высказываются различные. Но в любом случае суды присяжных должны быть введены в

¹ См.: Романенко М.В. Криминализация социальных отношений в капитализирующей России // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. 2001. С. 55–60.

² Прохоров М. Почем помилование? // Парламентская газета. 2001. 23 октября.

³ По количеству преступлений впереди планеты всей // Российская газета. 2001. 3 октября.

систему судопроизводства России, как это предусмотрено общенародным решением-законом — Конституцией РФ.

«Оправдательным» характером сегодня отличается не только судебная, но и законодательная, исполнительная власть. Например, исходя из принципа целесообразности, интересов региона, принимаются такие правовые акты, которые не соответствуют федеральным нормам. И, несмотря на то что органы прокуратуры, суды всех уровней, Конституционный суд рассматривают тысячи фактов такого рода несоответствия, признают незаконность местных юридических правил, но региональная власть продолжает принимать новые законы, которые, словно в пик вышестоящей власти, не соответствуют федеральным законам.

В чем же здесь дело? Нужно ли по отношению к «нарушителям» ставить вопрос об их беспрекословном подчинении воле верховных правил? Для нас очевидно, что нет. Действительно, правила имеют исключения. И мы согласны с теми, кто высказывает мнение о том, что иногда местные нормы оказываются прогрессивнее федеральных, а порой становятся и фактором стабильности¹.

Нам представляется, что в поисках путей разрешения этой проблемы в системе взаимосвязей «власть и право» следует руководствоваться не только буквой (это более привычно), но и духом закона, чему еще надо учиться.

В качестве одной из таких школ могут быть рассмотрены суды присяжных. Однако сегодня, на наш взгляд, этот институт, как и институт помилования, заслуживает не просто критической оценки, но и серьезных научных исследований. Криминологический аспект этих исследований заключается в том, чтобы определить в этом феномене возможности обеспечения эффективной уголовно-процессуальной профилактики преступлений.

Возвращаясь к идее общественно-политического контроля в сфере борьбы с преступностью, следует заметить, что с этой идеей связан ряд проблем, которые представляют интерес для криминологов.

Контролирующий характер могут иметь оценки, предложения, высказанные лидерами, иными представителями политических сил, общественными деятелями, Уполномоченным по правам человека, журналистами, учеными и др. по отношению к преступности, отдельным ее компонентам, тенденциям, к органам власти и управления, правоохранительным органам, различным социальным институтам.

Большое значение в этом имеют общественное мнение и правонастроение. В этих двух тесно взаимосвязанных социально-психологических факторах сокрыта большая сила идеологического воздействия. В свою очередь, на формирование, коррекцию этих факторов активно влияют СМИ, тем самым оказывают существенное влияние на государственно-правовую политику в сфере борьбы с преступностью, на условия реализации этой политики, на всю юридическую практику, в частности, на правоохранительную деятельность.

Если обратиться к программе Народной партии Российской Федерации, то в разделе, посвященном безопасности граждан и государства, можем прочитать ряд следующих положений: повышение эффективности правоохранительной системы и возвращение общественного доверия к ней; наведение порядка в правоохранительных органах, улучшение их кадрового состава и материальной базы; реальная (переход от слов к делу) борьба с коррупцией в государственном аппарате, в ча-

¹ Григорьева Е. Пять тысяч несоответствий // Известия. 2001. 30 июня.

стности, действенное воспрепятствование «торговле» властью и срастанию криминала с экономикой¹.

И если эти программные положения отражают искреннее стремление партии хотя бы снять остроту проблемы «власть и преступность», то какие практические шаги можно было бы ожидать от Народной партии, ее членов в регионах России? Думается, что ответ на этот вопрос могут дать не только (может быть, и не столько) партийные лидеры, но и специалисты в области борьбы с преступностью, в том числе, конечно же, криминологи, которые исследуют эту проблему.

Очевидно, что такого рода криминологические исследования требуют комплексного подхода. Их программы следует разрабатывать с участием заинтересованных представителей различных сфер профессиональной деятельности, конечно же, политических партий, общественных движений, специалистов в области массовой коммуникации и др.

При этом такие исследования должны «вписываться» в концепцию государственно-правовой политики в сфере борьбы с преступностью, а точнее, исходить из нее. И в этом отношении чрезвычайно важным является предложение о создании в органах государственного управления криминологической службы. Очевидно, можно вести речь и о таком варианте, как наделение соответствующими функциями определенных для этой работы сотрудников аппарата управления федерального и регионального уровня, в связи с чем, разумеется, потребуются определенная профессиональная подготовка соответствующих функционеров.

¹ Российская газета. 2001. 23 октября.